

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-50-53

© Тянь Вэньцзюань (КНР)

ДВА ОРИЕНТАЛИЗМА: РОЛЬ ВОСТОЧНОЙ ЛЕКСИКИ В ПОЭМЕ ДЖ. Г. БАЙРОНА «THE BRIDE OF ABYDOS» И ЕЕ РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ И. И. КОЗЛОВА

«The Bride of Abydos: a Turkish Tale» (1813) — вторая из шести «восточных поэм» Дж. Г. Байрона. Как и остальные произведения данной серии, поэма «The Bride of Abydos» поразила современных автору русских поэтов и читателей экзотизмом картин, яркостью характеров героев, напряженностью сюжета и блеском языка.

Первый русский перевод этой поэмы о трагической любви между Селимом и Зюлейкой был выполнен в прозаической форме с французского языка М. Т. Каченовским в 1821 году («Выбор из сочинений лорда Байрона, переведенных с французского [Осада Коринфа; Калмар и Орла; Мазепа; Джяур; Абидосская невеста]»). И. И. Козлов впервые осуществил стихотворный перевод с оригинала, опубликовав сначала отрывки перевода в журналах в 1823–1825 годах,¹ а затем, в 1826 году, всю поэму отдельным изданием.²

Козлов переложил английское произведение довольно свободно. Он заменил вольный дольник оригинала разностопным ямбом, растянул поэму на несколько сотен строк, добавил множество эпитетов и образов, усилил лирическое начало. Несмотря на высокую оценку со стороны Н. М. Карамзина («Вообще хороший перевод, а есть места, не уступающие оригиналу и очень счастливые стихи»),³ единодушия в оценке перевода Козлова не было. Белинский, к примеру, упрекал его за отсутствие сжатости и энергии оригинала.⁴ Позже Ю. Д. Левин отметил в русском варианте «налет сентиментальности»,⁵ чуждый английскому поэту. В данной статье мы рассмотрим один из малоисследованных вопросов об этом переводе Козлова: стратегию перевода «восточной лексики», являющейся важным составным элементом Байроновского текста.

Под «восточной лексикой» мы имеем в виду слова восточного происхождения, заимствованные автором в транслитерированной форме. Транслитерация позволяет максимально точно передать «чужое» средствами «своего». Таким образом, восточная лексика с особым звучанием и загадочным значением придает произведению необыкновенную экзотичность. Как отметила американская исследовательница Э. Осборн, «идеальная <восточная> поэма — это та, которая описывает восточную жизнь или восточные чувства восточными словами».⁶ Байрон, несомненно, согласился бы с этим мнением. В своих «восточных поэмах», в частности в «The Bride of Abydos» и «The Giaour», английский поэт активно использовал слова арабского, персидского и турецкого происхождения. В самом деле его неоднократно критиковали именно за «импорт» экзотических названий, непонятных и плохо сочетавшихся с английским поэтическим языком начала XIX столетия.

¹ Новости литературы. 1823. Кн. 4. № 24. С. 175–176; Соревнователь просвещения и благотворения. 1825. Ч. 29. № 3. С. 290–294; Московский телеграф. 1825. Ч. 5. № 19. Отд. 2. С. 250–252.

² Невеста Абидосская. Турецкая повесть лорда Байрона / Пер. с англ. И. Козлова. СПб., 1826.

³ Карамзин высказал свое мнение о «Невесте Абидосской» А. А. Воейковой, и последняя написала жене поэта-переводчика С. А. Козловой. Оригинальное письмо на французском языке и русский перевод Н. В. Соловьева см.: Соловьев Н. В. История одной жизни. А. А. Воейкова — «Светлана»: В 2 т. Пг., 1916. Т. 2. С. 55.

⁴ Белинский В. Г. [Рец. на:] Собрание стихотворений Ивана Козлова: В 2 ч. 3-е изд. СПб., 1840 // Отечественные записки. 1841. Т. 15. № 3. Отд. 6. С. 4.

⁵ Левин Ю. Д. О русском поэтическом переводе в эпоху романтизма // Ранние романтические веяния: Из истории международных связей русской литературы / Отв. ред. академик М. П. Алексеев. Л., 1972. С. 252.

⁶ «The ideal poem is one which expresses Eastern life or Eastern feeling in Orientalized diction» (Osborne E. Oriental Diction and Theme in English Verse, 1740–1840. Appleton: Lawrence, 1916. P. 7 (Bulletin of the University of Kansas Humanistic Studies. Vol. 2. № 1)). Перевод мой. — Т. В.

А как же Козлов обошелся с этими восточными словами? Отдавая предпочтение вольному переводу, он «искал у иноземных поэтов <свое>, чтобы включить его в собственный поэтический мир». ⁷ Чрезмерная экзотичность вряд ли найдет место в его переводе. Можно предположить, что ориентальные языковые «знаки» английского оригинала видоизменяются, смягчаются в русской версии поэмы.

В отношении использования Байроном восточной лексики в поэме «The Bride of Abydos» отмечаются следующие особенности:

1) Обилие восточных слов.

Чтобы передать отечественным читателям реалии мусульманского Востока, которые, как правило, «не имеют эквивалентов в быту, а следовательно, и в языках других стран и народов», ⁸ Байрон внес в свою поэму целый ряд восточных слов. Помимо тех, которые давно вошли в английский язык и были хорошо знакомы английским читателям — «Koran» (Коран), «Allah» (Аллах), «Sultan» (султан), «Moslem» (мусульманин), «Messa» (Мекка) и т. п., поэт использовал и многие другие восточные названия: «Azrael» (ангел смерти в Исламе), «Comboloio» (мусульманские четки), «tambour» (восточный барабан), «Koorsee» (трон Бога) и т. д., некоторые из них до сих пор не входят в словари английского языка.

Если вышеперечисленные слова более или менее необходимы для передачи уникальных восточных реалий, то в поэме встречаются и слова, обозначающие обыкновенные предметы и имеющие эквиваленты в английской культуре и языке. Например, Байрон параллельно использовал слова восточного происхождения «Gúl» (роза), «Bulbul» (соловей) и их английские эквиваленты «rose», «nightingale» с целью подчеркнуть своеобразное символистическое значение этих природных объектов в Восточной культуре. Это говорит также о значимости экзотического колорита для автора.

2) Визуальное выделение восточных слов.

Большинство восточных слов в «The Bride of Abydos», включая и имена нарицательные, написаны автором с прописной буквы. Например, «Chibouque» (чубук), «Ollah» (слово, подражающее крику человека), «Giaour» (гяур), «Serai» (дворец), а также вышеперечисленные «Comboloio», «Koorsee», «Gúl», «Bulbul» и т. д. Байрон, очевидно, придавал экзотизмам особое значение. Для него эти незнакомые, странные, с точки зрения читателя, слова — важнейшие особенности текста, которые следует подчеркнуть и тем самым нарисовать «ощутимый» (palpable) Восток, как писал сам поэт в письме Т. Муру от 28 августа 1813 года. ⁹

3) Восточные слова как рифмующиеся.

Восточные слова в байроновской поэме играют важную эстетическую роль, в частности, они служили для поэта способом создания уникальных рифм, например:

Till I, who heard the deep tambour
Beat thy Divan's approaching hour...¹⁰

And held that post in his Serai
Which holds he here — he saw him die...¹¹

Эти ориентализмы по звуку идеально соединяются с нейтральными словами английского языка и составляют вместе с ними весьма необычные рифмы. Таким образом, восточные слова перестают быть лишь чужими названиями, специально введенными и выделенными для демонстрации экзотичности, они становятся частью

⁷ Левин Ю. Д. О русском поэтическом переводе в эпоху романтизма. С. 255.

⁸ Мосиенко Л. В. Лингвокультурологическая проблема классификации реалий // Вестник Оренбургского гос. ун-та. 2005. № 11. С. 155–161.

⁹ Byron G. G. Letters and Journals: In 13 vol. / Ed. by L. A. Marchand. London, 1974. Vol. 3. «Alas! the Love of Women»: 1813–1814. P. 101.

¹⁰ Byron G. G. The Bride of Abydos: a Turkish Tale // The Works of Lord Byron: In 13 vol. London, 1898. Vol. 3. P. 161.

¹¹ Ibid. P. 191.

целостного поэтического произведения. В этом и заключается байроновский эксперимент с новыми типами рифм.

4) Пространные примечания к восточным словам.

Байрон снабдил свою поэму 43 примечаниями, большинство из которых служили для объяснения восточных слов и описания связанных с ними разных аспектов восточной жизни. Показывая в примечаниях свои обширные знания о чужой земле, усвоенные либо во время путешествия по Востоку, либо при чтении книг о Востоке, английский поэт придал своей поэме и культурно-познавательный характер.

Создавая «Невесту Абидосскую» на русском языке, Козлов не только переложил байроновскую поэму, но и выполнил передачу транслитерированной английским поэтом восточной лексики. В отличие от Байрона, Козлов при обращении с восточными словами стремился не к максимальной, а к умеренной экзотичности, ориентируясь на литературную традицию.

Во-первых, русский переводчик уменьшил количество экзотизмов и нейтрализовал их визуальное выделение в своей версии поэмы.

К числу восточных слов, сохраненных Козловым в переводе, относятся названия, более или менее знакомые русской читающей публике благодаря культурным и литературным связям с мусульманским Востоком («Koran» — «Коран», «Allah» — «Алла», «Chibouque» — «чубук», «Haram» — «гарем», «Sherbet» — «щербет», «Pergé» — «пери» и т. д.), а также большая часть политической и религиозной лексики («Divan» — «диван», «Pacha» — «паша», «Bey» — «бей», «firman» — «фирман», «Azrael» — «Азраил», «Koorsee» — «Курзи», «Muezzin» — «муйцин» и др.), отражающей своеобразные восточные реалии и неоднократно встречающейся в оригинале. Таким образом, поэт-переводчик сумел передать экзотический колорит поэмы в целом. Остальные же ориентализмы Козлов не стал использовать в том же объеме, как Байрон: восточные названия, редко встречающиеся и маловажные для сюжета, такие как «Musselim» (название должности), «Kislar» (название профессии), «Maugrabee» (название национальности) и др., были выпущены. С другой стороны, реалии, имеющие эквиваленты или синонимы в русском языке, были заменены русскими или давно бытующими в русском языке названиями («ottoman» — «подушка»,¹² «tambour» — «барабан», «Atar-gúl» — «розовая вода» и др.). Уклоняясь от предложенной английским автором модели, Козлов в большей степени заботился о ясности выражений и читательском восприятии поэмы.

При передаче восточных слов, написанных у Байрона с прописной буквы, русский поэт-переводчик заменил прописные буквы строчными. Для Козлова экзотические названия в «Невесте Абидосской» выступали как фоновая декорация: их необходимо было сохранить для передачи ориентального колорита, но выводить их на первый план не следует.

Во-вторых, Козлов сократил объем примечаний: с 43 пунктов до 31, не снабдив слова «курзи», «раяс» и др. толкованием. Уделяя значительную долю своего внимания художественной ценности поэмы, переводчик не стал усиливать ее культурно-познавательную функцию.

В-третьих, русский переводчик не прибегал к оригинальным рифмам с использованием восточных слов. В отличие от Байрона, пытавшегося сделать из экзотизмов новые поэтические элементы, Козлов предпочел превратить их в традиционные художественные образы, легко воспринимаемые отечественными читателями.

Любопытным представляется судьба мусульманского слова «Hourí», взятого из Корана, в переводе Козлова. Оно означает «райских дев, которые будут супругами

¹² Слово «ottoman» в английском языке обозначает как турецкий диван, так и турецкую подушку или подставку для ног. Это слово из байроновских строк «And o'er her silken ottoman / Are thrown the fragrant beads of amber / O'er which her fairy fingers ran» (Ibid. P. 181) Козлов понял как «подушку», поэтому он и не использовал уже вошедшее в русский язык заимствованное слово «оттоман», обозначавшее «широкий турецкий диван с подушками вместо спинки» (Словарь русского языка XVIII века. СПб., 2011. Вып. 18. С. 115).

праведников в раю». «Houri» у Байрона — это любимый образ и символ идеальной женской красоты. Русский поэт-переводчик воздержался от заимствования непривычных для русской поэзии этой эпохи «гурий», а воспользовался традиционным словосочетанием «дева рая», которое встречается, к примеру, в «Бахчисарайском фонтане» А. С. Пушкина («К нему навстречу дева рая / С улыбкой страстной полетит») и других русских произведениях на восточные темы. Строки «Oh! who so dear with him could dwell? / What Houri soothe him half so well?»¹³ переведены Козловым так: «О нет! возможно ль, чтоб иная / Так нежно с ним умела жить, / И будто может дева рая / Страстней меня его любить?»¹⁴

В романтическую эпоху Восток привлек к себе внимание западноевропейских писателей. При анализе байроновской поэмы «The Bride of Abydos» мы видим, как уже в языковом плане — с точки зрения использования восточных слов — наблюдается пристальный интерес английского поэта к далекому загадочному краю. Мусульманский Восток давал Байрону новые впечатления и новые творческие возможности: с одной стороны, он использовал и визуально выделял восточные слова (а также детально объяснил в примечаниях их значение с целью ознакомления английских читателей с чужой культурой); с другой стороны, провел эксперимент в области стихосложения, обращаясь к своеобразным рифмам с применением ориентализмов.

Когда русский поэт-переводчик, представитель другой языковой и культурной традиции, ставит перед собой задачу перевести байроновскую поэму на русский язык, интересующая нас восточная лексика и английский оригинал в целом претерпевают серьезные изменения. Козлов не уделил экзотичной лексике такого же внимания, как Байрон. Русский переводчик, по-видимому, не ставил перед собой задачу узнать Восток и ознакомить с ним читающую публику, поэтому уменьшил количество экзотизмов и соответствующих примечаний, а также нейтрализовал визуальные знаки этих слов. Возможно, как полагает С. Л. Каганович, это объясняется тем, что Россия из-за своей «близости и к Западу, и к Востоку» относится к последнему «не как к далекому, малознакомому, а потому экзотическому миру, а как к одной из равноправных составляющих окружающей поэта живой, реальной действительности».¹⁵

Байроновскому литературному эксперименту создания литературного произведения, насыщенного обильными непонятными экзотизмами и новыми типами рифм, Козлов также не последовал. Будучи более консервативным в художественном творчестве по сравнению с Байроном, поэт-переводчик стремился придерживаться умеренной экзотичности и выполнить перевод в рамках традиционных эстетических принципов.

¹³ Byron G. G. The Bride of Abydos: a Turkish Tale. P. 183.

¹⁴ Козлов И. И. Полн. собр. стихотворений / [Вступ. статья, подг. текста и прим. И. Д. Гликмана]. Л., 1960. С. 352 (Библиотека поэта. Большая сер.).

¹⁵ Каганович С. Л. Некоторые особенности русской ориентальной поэзии первой трети XIX в. (Формирование стилиевой традиции) // Русская литература и Восток. Ташкент, 1988. С. 34.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-53-63

© О. С. Муравьева

АЛЕКСАНДР ПУШКИН НА RENDEZ-VOUS

В известной статье Н. Г. Чернышевского «Русский человек на *rendez-vous*» (1858) были выявлены некоторые особенности развития любовного сюжета в русской литературе. Смело экстраполируя закономерности поведения мужчины по отношению к женщине на его общественную деятельность, критик тем самым заявил о целостности личности и о важности изучения вопросов, относящихся к частной, интимной жизни